

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023 №1

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

ИМАН КАЛЬБИ
ЛЮБОВЬ
АДМИРАЛА

Иман Кальби

Любовь Адмирала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69281374

SelfPub; 2023

Аннотация

Юная и невинная Аврора думала, что встретила свою настоящую любовь в лице обольстительного и опытного красавца Демида, но встреча с другим мужчиной еще старше и загадочнее, перевернула ее жизнь...
Лето. Молодость. Море. Одна молодая девушка и двое искушенных мужчин, закаленных военной службой. Кто станет ее первой любовью, а кто-ошибкой, помутнением, искушением на пути искренних, настоящих чувств?
#первая_любовь#янг_эдалт#слр#любовный_треугольник#встреча_ч

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Иман Кальби

Любовь Адмирала

Глава 1

Размеренный шум волн и крик вечно голодных чаек. Запах моря- резкий, даже терпкий. Местные говорят, это потому, что оно всегда «цветет» с середины лета. То и дело набегающие тучи, заставляющие этот приветливый июльский полдень время от времени хмуриться. Я закрываю глаза и вспоминаю, словно бы это был вчера... Мои мокрые просоленные волосы щекочут цепко прихваченную загаром кожу спины выше полоски слитного купальника, на ноги налип навязчивый, как заезжий турист-ухажер, песок... По коже то и дело пробегают гусиные цыпки- потому что здесь, на Балтике, даже лето свежее. И пусть солнце сверху припекает- земля в этих краях словно бы источает надменную холодность, обязывающую нас быть не такими, как другие. Анклавом. Самой западной точкой России. Той, что полу-Кёниг, полу-Калинин. Чужими среди чужих, среди своих тоже словно бы чужими- и при этом, самыми родными, самыми надежными, на страже западной границы...

Я быстро хватаю упавшую на желто-пряную страницу книги из дедушкиной библиотеки каплю, пока она не успела

оставить на фолианте уродливую рытвину. Бабушка наверняка бы поругала, если бы увидела, что я потащила книгу из выписки на пляж. Но страсть как хотелось дочитать очередную красивую историю про море.

Я всегда любила читать про море. Может быть потому, что мой папа был моряком и я с детства смотрела на большую воду в ожидании его... Ждала, а он все не приходил и не приходил... Да, именно не приходил, здесь на Балтике, сказать про моряка «приплыл» было равносильно самому страшному преступлению...

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?» Строки «Бегущей по волнам» Александра Грина поспешно проплывали перед глазами- что-то же хоть могло плавать в этих краях суровых моряков? Но я не вдумывалась в них еще тогда, не вглядывалась... Я пойму их позже, когда со мной случится то, что будет написано скрижалями судьбы на звездном небе. Но это будет потом. А пока мы были молоды, беззаботны и полны летнего восторга юности.

—Аврорка, что ты там опять читаешь? —слышу под ухом

стрекотание Светки,— А, свою «Бегущую»... Ну-ну... Капитан корабля с алыми парусами, да?—усмехается.

—Что ты все путаешь? «Алые паруса»— это совсем другая история...

Она лишь машет пренебрежительно рукой в ответ, меньше всего созревшую и жаждущую приключений Светку сейчас интересуется творчество Александра Грина.

— Какая разница? Хватит уже! Вылезай из своих книг. Начитаешься еще. Лето же... А лето— это маленькая жизнь. Пойдем сегодня вечером на дискотеку?

И правда. Лето— это маленькая жизнь. Летом можно помечтать и расслабиться. Я всегда любила лето. А то лето было особенным. Второй курс института. Сессия сдана— впереди половина июля и август— веселая пора, когда город наводняют туристы, а мы деланно закатываем глаза, изображая, что нам это в тягость, а сами едва сдерживаем восторг, что в город приехало столько интересного народу. Модные столичные парочки, привезшие с собой на седое взморье свой равнодушно-снобский шарм, колоритные и импозантные богачи с Сибири, прилетевшие тратить свои кровно заработанные в снегах и морозах, угловатые и поджарые европейцы, фотографирующие все подряд— местные старожилы этим были страсть как недовольны. Раньше иностранцев в город не пускали, а теперь можно... «Шпионы»,— недовольно шипели им в спину, но в глаза улыбались. Для нас эта пора была глотком свежего воздуха, отчаянным рывком наверх, прежде

чем залечь на дно в уютную и спокойную раковину Балтики на долгую зимовку.

Мне только стукнуло восемнадцать. «Совершеннолетие», – с гордо-торжественной многозначительностью говорила бабушка, а дедушка лишь усмехался и махал рукой – какое там совершеннолетие, наша Аврорка девчушка еще совсем, наивная и бесхитростная. А я лишь пожимала плечами. Не понимала, что меняет в моей жизни это самое «совершеннолетие». Я все так же до колик в животе смеялась со Светкой над всякой ерундой, плавала, как морской котик, до оконченения конечностей и читала-читала-читала. Девчонки уже сбегали в дюны с мальчишками, крутили с ними нелепые, но драматичные романы, но я их не понимала. Разве это было красиво, масштабно? В реальной жизни всё казалось пресным, незначительным. Мальчишки – угловатыми и совершенно непривлекательными. Их ухаживания – неумелыми и скучными. Да и времяпрепровождение с ними какое-то пустое. Романтика и любовь расцветали для меня лишь на страницах книг. Как на фоне литературных героев можно было влюбиться в какого-нибудь соседа по подъезду, которого ты с детства помнишь сопливым плаксой, все время утирающим рукавом нос?

– Ну так что, идем? Если да, давай тогда собираться, уже четыре часа. Пока вернемся, пока передохнем, переоденемся, уже время пройдет...

Я отрываюсь, наконец, от книги, дочитав ее до конца стра-

ницы. Была у меня такая странность- не любила оставлять страницу недочитанной, пусть и не всегда запоминала окончание и потом приходилось перечитывать.

–Только мне нужно в десять быть дома, Свет. А то бабушка заснуть не сможет, будет за меня волноваться, а у нее от волнения давление скачет.

Светка деланно-драматично закатывает глаза. Она вообще считает, что я живу словно бы в парнике и ничего хорошего это мне не даст...

Я лишь пожимаю на это плечами. Не понимаю ее тяги к бунтарству и свободе. Свободе от чего? Я люблю своих бабушку и дедушку. И не хочу, чтобы они расстраивались.

– А когда жить-то начинать?– говорила она неизменно на все мои доводы против ее эскапад о моем порабощенном состоянии.

Я оставляла ее вопрос почти всегда без ответа. Не понимала я его смысла. А что, жизнь- это обязательно идти наперекор старшим только потому, что в этом проявляется вроде бы как твоя самостоятельность и взрослость? Ну, да ладно. Светка- моя лучшая подружка, соседка по дому, да еще и однокурсница. Мы слишком с ней были повязаны, чтобы выяснять отношения на экзистенциальные темы до ссор.

Через четверть часа мы уже расходимся по домам. Наша старинная квартира встречает меня привычным запахом мебелиной полироли с примесью нафталина и бабушкиной выпечки. Направляюсь с порога в ванную, чтобы закинуть мок-

рые вещи в стирку и ополоснуться. Когда выхожу- застаю деда в той же позе, в какой он сидел, когда я уходила, в семь утра- в гостиной с книгой в руках. Он рано встает. И да, чтение у нас- это семейное.

–Аврорка, не ходи с мокрыми волосами,– слышу в спину бабушкино,– простудишься опять. Давай, посушись- и быстро к столу, у нас сегодня борщ с пампушками.

–Аврорушка,– слышу бархатное дедово,– как море сегодня?

Дед всегда спрашивал о море, словно бы речь шла о человеке. Если была возможность, шел к нему сам. Но в последние годы ноги сильно болели от подагры, поэтому ходил редко и всегда любил послушать о Балтике как о давнем друге. Он бывший военный моряк. Капитан первого ранга. Правда, капитаном первого ранга он стал много после того, как пришлось расстаться с морем- начались проблемы с сердцем, Ефима Петровича, или просто Петровича, как называли его сослуживцы, раньше времени списали на сушу. Благо, что специалист по артиллерии он был отменный, поэтому продолжил службу уже в другой роли- учил молодых и дерзких мореманов, как любил говорить сам. Преподавал в Бурсе (прим.-военно-морское училище).

Бабушка у меня тоже была очень хорошая. Хоть и любила ворчать, это ей даже шло. Сама она называла свое ворчание «конструктивной критикой». Вот только в чем конструктив был, я так и не поняла, даже с годами. Бабушка была мастер

пофилософствовать. Иногда даже всплакнуть. Особенно, если речь заходила о моей маме. Маму «без слез» было разрешено упоминать только ей. И она делала это довольно часто, при том в основном в наставническом стиле.

—Ох, Аврорка, держалась бы ты лучше подальше от этого моря. А то как своя мать... — вмешалась она, услышав дежурный вопрос деда.

Честно говоря, такое услышать было странно. Мы жили на море. Море в нашей жизни определяло почти все... Как можно держаться от него подальше? Положа рука на сердце, я понимала, о чем она... Вот это ее многозначительное «море» было о женском... И почему она именно сегодня вдруг опять завела эту пластинку? Странно, конечно. Что называется, интуиция, не иначе. Я пойму это потом, много лет после, когда буду вспоминать события того дня. Вспоминать то время длинную в два года...

Вообще, «как своя мать» касалось многих вещей, а не только моря. Например, не витай вечно в облаках, как своя мать, в поисках мнимого счастья; не влюбись в залетного моряка-дурака, который уедет восвояси обратно к себе на Север- лишь веслом махнет...

—Море в жизни моряка- это работа, служба, долг, Аврора, — любила она рассуждать с важным видом, — Важно, чтобы он понимал, что его настоящая жизнь на берегу, на суше... Если он думает, что в море- это тоже жизнь, пиши пропало. Потому что морю ты не конкурентка. Оно забирает сердце

мужчины раз и навсегда. Оно тогда его жена...

Я не знала, море ли забрало сердце моего отца, или нет, но точно помнила, что мама всегда смотрела на море с тоской и едва уловимым трепетом в глазах. Эти воспоминания ее очень четкие, до мельчайших деталей. До тонкой, едва уловимой сеточки морщин на светлой нежной коже под глазами, до вечно норовящего залезть между слегка приоткрытых губ волоска пышной каштановой шевелюры. Она ушла, когда мне было десять. Тогда я решила, что она превратилась в чайку и улетела. Туда, на горизонт, куда всегда и был устремлен ее ждущий взгляд. Потом, постарше, я узнала, что это было сердце. Да, ее сердце не выдержало любовного треугольника с морем, которому она оказалась несоперницей. Так я и осталась - с бабушкой и дедушкой. С воспоминаниями о маме. С мечтами об отце, от которого, как говорила мама, мне достались две вещи - его глаза и данное им имя - Аврора. Богиня северной зари. Он, как вы, наверное, уже понял, пришел с Севера, влюбил себя в мою мать, а потом ушел восвояси...

Глава 2

–Свет, не слишком вызывающе?-говорю я, критично осматривая себя с ног до головы в зеркале.

На мне сейчас белая юбка-клеш выше колена, красивый блузон в мелкий цветочек с бантиком, не очень удобные лодочки, которые гарантированно к концу вечера натрут мне краснюче-болючие мозоли на ногах.

–Ну ты совсем уже, Аврор,– говорит она, снова закатывая глаза,– ты что, в монастырь собралась? Какое тебе вызывающе?

Подошла ко мне одним махом сорвала с головы резинку.

–Ты что?!

–А то!-говорит она строго,– у тебя волосы какие, грива аж ниже попы! Грех такие закалывать. Зачем вообще они нужны, если их все время прятать?! Вон, смотри, как красиво. Они у тебя на кончиках немного выются. Прямо твоя «бегущая по волнам», не иначе...

Я нервно вздыхаю. Насилу заставляю себя улыбнуться Свете. Ладно, что уж я, действительно. Пора вылезать из своей скорлупы. Хотя бы на вечер. Смешно сказать, но я и правда ни разу не была на дискотеке. В школе мне разрешилось ходить только на мероприятия, организуемые в ее пределах. Как пренебрежительно выдавала Светка, «утренники». А потом было поступление, первый год учебы в ин-

ституте. Мы ведь обе учились на языковом, сразу два языка-английский и французский. Сложновато было. Светка особо не парилась- тройка так тройка, а у меня было иначе... И бабушка спрашивала, да и мне самой хотелось их с дедом радовать хорошими оценками.

Мы выскочили на улицу в начале шестого. Солнце уже не пекло, а наоборот, только украшало все вокруг каким-то благородным, словно бы янтарным свечением. С годами, когда я увижу другие города, пойму, что и правда было в наших закатах что-то таинственное- словно бы и правда балтийский янтарь и солнце исполняли свой страстный дуэт, а мы были свидетелями этого красивого танца.

— Вот что значит волосы распустить и губки немного подкрасить... Смотри, как на тебя все пялятся,— шепнула в эйфории мне на ухо Светка.

Сама она нацепила неприлично короткую красную юбку, обтягивающую ее покатые, словно спелый помидор, ягодичцы. Черная футболка с нарисованными на груди огромными красными губами доходила лишь до конца ребер, открывая пупок. Пялились, конечно, на неё, а не на меня. Еще бы. Она выглядела крайне вызывающе и в целом провокационно, выражаясь словами моей бабушки.

Народу на улице неприлично много. Завтра в городе был большой праздник- день Военно-Морского Флота. Будет красивый парад на воде, толпы людей на набережной. Многие съехались накануне, чтобы занять на набережной луч-

шие места с утра пораньше. Другие уже и без того торчали в городе которую неделю. Это лето было непривычно теплым для Балтики- и купались не только мы, знакомые с местными водами и течениями, но и приезжие.

Сами не заметили, как дошли до местного Дома культуры, переоборудованного еще лет пять назад в некое место для развлечений. Днем здесь был кафе-ресторан, с вечера до утра- клуб. Поговаривали, что внутри есть особая зона, куда пускают далеко не всех, и там, мол, даже стриптиз танцуют, но я думала, что это скорее всего, байки девчонок, создающих целую историю на ровном месте. В наше время резона прятать такие места не было никакого. К чему эта секретность? Просто всех это место задевало своим существованием- взрослые плевались и говорили, что это бандюганы все прихватизировали, молодежь смотрела, облизываясь- дорогие тонированные машины у входа, опасного вида взрослые парни... И девчонки, и парни невольно хотели стать частью этого пугающего, запретного и, наверное, не очень правильного мира...

На входе огромная очередь. Казалось, сегодня весь город хочет попасть сюда. Направляюсь к ее концу, а сама ловлю себя на мысли, что, скорее всего, никуда уже сегодня мы не попадем, слишком уж медленно она движется, а мне в десять надо дома быть- это ж еще обратно надо успеть вовремя добраться. Вдруг чувствую, как Светка хватает меня за руку.

—Стой, ты чего? Это для лузеров...-говорит она мне заго-

ворщицким шепотом и толкает куда-то влево от очереди.

–Ты куда?– недоумеваю я.

–Еще чего... Я не собираюсь стоять в этой толпе. Здесь на фейс-контроле знакомый. С нами в школе учился, на четыре года старше. Лёшка Старовойтов, помнишь такого?

Я, конечно же, отрицательно машу головой.

–И почему я не удивлена?– говорит себе под нос Светка, не требуя моего ответа.

Лёшка Старовойтов мне и правда кажется отдаленно знакомым. А вот я ему по ходу нет.

–Это Аврорка, одноклассница моя, мы с ней все время вместе. Неужели не помнишь?

Он снова одаривает меня многозначительно-насмешливым, с каким-то неприятным огоньком, взглядом и усмехается.

–Надо же, не помню совсем. А странно, такой ангелочек, должен был запомнить...

–Это потому, что она у нас как мышка серая в школе ходила. Вот что значит – подать себя женщине...– чрезмерно оживленно, наигранно самоуверенно вещает Светка.

Мы все еще в дверях, нас все еще никто не пропустил. И ситуация какая-то унижительная, честно говоря. Мне очень некомфортно. И я уже хочу щипнуть ее и тихо сказать, что надо отсюда ретироваться...

– Подать себя женщине,– усмехается Лёша, закуривая,–

ладно, женщины, заходите. Только не вздумайте столики занимать, они платные и зарезервированные. Здесь до восьми молодняк окормляется, а ближе к полуночи люди посolidнее приходят. Для них и держим. Так что сразу к бару и отсюда только на танцпол...

Я представляла себе все это немного иначе. Ну, что-то наподобие школьных дискотек что ли. Когда можно подойти к знакомому диджею и заказать любимую песню, когда можно выскочить из актового зала в фойе и немного проветриться от забегающей из то и дело открывающейся входной двери прохлады. А здесь какой-то сплошной мрак. Перенасыщенный сигаретами, алкоголем, пугающим, чуждым пороком, в буквальном смысле исходящим от присутствующих. Я чувствую себя неуютно в своем белом наряде. То и дело одергиваю юбку, потому что она на этом высоком стуле кажется чуть ли не короче, чем у Светки. Пью воду, чтобы хотя бы чем-то занять вспотевшие руки. Уже третий парень подходит и пытается что-то нам заказать, но я отрицательно машу головой. На удивление Светка тоже категорична в отношении потенциальных ухажеров. Странно...

—Может быть, пойдем, а?-спрашиваю ее я, нервно взирая на дисплей старенького телефона. Уже девятый час. Мне все больше кажется, что публика теперь меняется. И на смену молодежи нашего возраста приходят люди постарше... И пострашнее... Теперь здесь правда находиться не только

неприятно, но и очень пугающе.

–Замолчи уже, Аврор, а?-раздраженно осекает меня она, а сама так и бегаёт по залу глазами, ей явно не до меня,– иди что ли на танцпол... Хватит уже гудеть. У тебя ещё два часа в запасе, Золушка...

–А ты что? Пойдем что ли вместе тогда...-говорю я, недопонимая.

–Подожди, я кое-кого жду...

Через пять минут все становится на свои места. Потому что я вижу, как из-за спины к нам подходит тот самый Лёшка. Он по-хозяйски кладет руку на стул Светы, что-то ей шепчет на ухо, что я уже не могу расслышать, потому что музыка, как показалось, стала играть громче.

Не проходит и пары секунд, как чувствую кого-то сзади. Резко оборачиваюсь- возле меня стоит какой-то улыбающийся рыжий парень.

–Привет, а я Егор, друг Лёши. Ты подружка Светки, да?

–Аврора, прикинь?!– пытается всех перекричать Лёша,– имя-то какое. Прямо как она сама...

Снова этот взгляд. Непонятный мне какой-то. Неприятный. Липкий что ли.

–Что пьете, девчули?– по-хозяйски спрашивает Лёша.

–Воду,– кричит Светка.

Он скептически присвистывает. Небрежно подзывает официанта рукой.

–Стёп, нам с Егором водку с апельсиновым соком, а дев-

чонкам две Пина-колады. Давай, побыстрее.

Если я думала, что мне было некомфортно, то ошибалась. Сейчас, в душно-приторном присутствии этих ребят, ведущих себя все более развязно, мне не просто некомфортно. Мне ужасно. А ужаснее всего то, что Егор вроде как немного отошел назад, зато этот самый Лёша, на которого, как несложно было догадаться даже такой лохушке, как я, положила взгляд Светка, всё активнее и очевиднее проявляет знаки внимания мне... «Знаки внимания»— это тоже из лексикона бабушки. То, что делает он, можно бы было скорее назвать свинством, хамством, беспардонностью.

Его наглые танцы, когда он ненароком то и дело пытается вроде бы случайно зацепить меня рукой-то за бедро, то за грудь. Его намеки и смешки. Светка видит это. И это ей, мягко говоря, не нравится...

—Свет, пойдем,— подаюсь к ней и выдаю, в который раз порываясь уйти с танцпола. Тело как деревянное. Я не то, чтобы большой любитель танцевать, особенно в толпе, но в целом раньше не испытывала больших зажимов. Сейчас же каждое движение дается тяжело. Да и голова покруживается. Все-таки не надо было мне пить их коктейль. Я вроде бы только пригубила, максимум— один глоток, так почему так нехорошо мне?

Мой вопрос висит в воздухе, потому что в этот самый момент Лёша обхватывает меня сзади и приподнимает над

полом.

–Знаешь- ка что, Ряска,– не говорит, выплевывает подру-
га мне в лицо,– не ожидала от тебя...

Разворачивается, быстро скрываясь в толпе. Я на силу
освобождаюсь от его захвата и пытаюсь протиснуться за ней.
Тяжелая музыка давит на голову, сердце готово вырваться
наружу, как отчаянно мне хочется успеть за ней, остано-
вить...

Снова захват на талии, снова неприятно-приторный запах
парфюма, смешавшегося с вонью сигарет, кальянов и еды.
Эти руки меня не отпускают, а тащат куда-то в сторону. Я
отчаянно брыкаюсь и ору, но все мои потуги, словно бы уси-
лия утопающего в море, бессмысленны.

Музыка теперь остается в стороне. Чувствую под ногами
пол, а еще спина впечатывается в стену.

–Ты что творишь, пусти, пожалуйста, Лёш!-кричу я, что
есть мочи.

А он лишь впечатывает меня в себя сильнее.

–Ну че ты, а? Ангелочек, давай поближе познакомимся...

Вырываюсь, со всей силы бью по его спине, но, как кажет-
ся, тщетно.

–Ты что творишь вообще?! А как же Света?! Зачем ты
так?

–А что Света?-он меняет тактику, вжимая меня в себя
бедрами, а руками фиксируя мою голову,– она мне никто.
Так, девка, которая за мной бегаёт. Мало что ли у меня та-

ких. Ты мне сразу понравилась, Ангелочек. Чистенькая такая, беленькая. Зачетный образ. Давай, хватит ломаться. Раз пришла сюда, нечего из себя строить недотрогу.

От его жесткого захвата мышцы шеи свело в болезненном спазме. В голове еще сильнее запульсировало. Его алкогольное дыхание обдало мою кожу, из глаз брызнули слезы. Как же я этого не хотела... Не хотела этого поцелуя... Не так, не сейчас, не здесь...

–Девушку отпустил,– послышался сзади уверенный мужской голос,– слышь? Кому сказал?

Лёша нехотя отстраняется от меня, небрежно поворачивается на источник замечания, но меня не отпускает из захвата.

–Парень, иди, куда шел... Не твое дело. Я со своей девочкой сам разберусь...

–Не твоя она, раз так сопротивляется,– продолжает он,– повторяю, отпустил девушку. В третий раз уже без слов...

Я в буквальном смысле почувствовала, как внутри Лёши что-то всколыхнулось, зажглось. Так, наверное, и происходят драки между мужчинами. Когда в голове что-то щелкает и этот процесс уже не остановить...

–Ты че сказал?!-повернулся он на него, наконец, отпустив меня.

В следующую секунду раздался неприятный хруст. Я сначала сильно-сильно зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела лежащим на полу Лёшу с кровавым пятном на месте

носа.

–Давай быстрее отсюда на выход. Напротив ДК на алее лавочки стоят, там посиди меня- подожди. На улице много народу гуляет, никто не докопается. Две минуты- я приду. Сама не уходи никуда в таком состоянии.

Наши взгляды пересеклись. Когда увидела его уверенные, даже дерзкие зеленые глаза, поняла, что не уйду... Что действительно его дождусь.

Глава 3

–Ну что, красивая, испугалась?–спрашивает меня он, откидывая длинную челку элегантно-уверенным кивком головы, какого я в жизни реальной и не видела никогда,– меня, кстати, Демидом зовут.

К его носу прижат платок. Очевидно, кровотечение. Они ведь подрались... Из-за меня... А я рапортуюсь, даже не знаю, что делать сейчас, как себя вести...

–Очень приятно, Аврора,– пишу я, нервно сжимая ноги, которые, действительно, чрезмерно открыты в этой дурацкой миниюбке, –что с Вашим носом? Может в травмпункт?

Он лишь усмехается в ответ. И тут же пробегается глазами по моим ногам. Но этот взгляд не похабный и гадкий, как у Лёши, он приятный. Это как хороший комплимент мужчины, всегда заставит улыбнуться. И я вдруг ловлю себя на мысли, что мне нравится то, что я ему нравлюсь.

Мои слова о травмпункте, видимо, пролетают мимо его ушей. Я замечаю, что у него и костяшки разбиты на левой руке. Но ничего не говорю. Меня вообще пребывание рядом с ним вводит в жуткую краску. Если бы было светло на улице, Демид точно бы увидел, что мои щеки пунцовые.

–Красивое имя, Аврора... Такое, сказочное...– садится рядом на лавочку,– и ты вся сама какая-то сказочная. Со всем не из этого мира словно, а из сказки... Даже не знаю,

Дюймовочка или Золушка...

Дюймовочка- это он верно подметил. Я комплексовала из-за своего роста. Метр шестьдесят... В наше время, когда девушки и при метр семьдесят пять мечтали быть выше, я казалась самой себе лилипутом... Вообще, что-то слишком много на меня посыпалось за сегодня комплиментов. Я вообще-то не была красавицей и никогда себя такой не считала. Более того, и меня никто до сегодняшнего дня красавицей не считал. Так, Светка делала вымученные комплименты- и то для того, чтобы подбить меня на очередную аферу. Думала, наверное, что так моя самооценка хоть немного возрастет. Если бы.

—Что же ты, красивая, в таком гадюшнике забыла?-усмеивается и закуривает.

Курение меня всегда отталкивало. Ненавидела запах табака. Но не знаю, то, как он это делал, как небрежно-уверенно выбил из пачки сигарету, как прикурил, разжег красный круглый огонек, как затянулся, держа сигарету двумя пальцами, и выпустил облако белесого пара, заставило меня замереть...

—Курение- зло,— сказал он мне, проследив за моим взглядом и усмехнулся,— как и много других вещей в этом мире.

Я опускаю голову. Нервно пытаюсь хотя бы немного одернуть юбку вниз. Неуютно мне. Я чувствую себя неловко. Даже не столько из-за ее длины, из-за всей ситуации... Из-за того, что он вообще обо мне подумает.

–Подружка попросила пойти с ней,-рассматриваю свои ногти.

–И где подружка?-снова усмешка, сильная затыжка, до оранжевого фильтра, бросила тебя?

Получается, что бросила.

Я глубоко вздыхаю. Потом дергаюсь, когда вспоминаю о времени.

–Простите, мне пора! Мои дома будут волноваться,- говорю и подскакиваю,- спасибо еще раз, что помогли!-последние слова говорю на лету, оборачиваясь через плечо и подпрыгивая быстрее к автобусной остановке. Рваными движениями вытаскиваю телефон и к ужасу понимаю, что батарея разрядилась. Вот дела. Этого еще мне не хватало... Я даже времени точного теперь не знаю... Бедная бабуля моя...

–Подожди,- говорит он тут же снова подходя ко мне и решительно, но как-то нежно, умеючи хватая меня за локоть, чтобы остановить.

Я замираю.

Опускаю глаза на руку. Его пальцы длинные и красивые. А лицо с близка очень благородное. Светлая кожа. Черные брови красивой дугой подчеркивают острые скулы, полные губы... Есть в нем что-то южное, знойное. Внешность словно бы не из реальной жизни, а из кино. Мужчины такими красивыми не бывают... По крайней мере, я не встречала... И даже припухший, с небольшими частичками прилепившейся запекшейся крови, нос несколько его не портит...

–Провожу давай, куда ты в своей юбчонке с такими ножками собралась в одиннадцатом часу...

Одиннадцатый час... Внутри все холодеет. Как? Как так время потерялось? Что ж я за дура за такая- первый раз решила вкусить «взрослую жизнь», как говорила Светка, и сразу влипла по уши. Еще и опоздала, телефон разрядился...

–Живешь где?

–Я? Здесь недалеко... На Центральной.

–Почти соседи, значит. –улыбнулся мне своей шикарной улыбкой. Все у него было какое-то шикарное. Лощеное что ли.

– Ну пошли, красивая... Всё-таки Золушка...

–Что, простите?-спросила, не совсем его понимая.

–Говорю, Золушка ты все-таки, раз нужно до двенадцати домой попасть...

Я махнула рукой печально.

–Какое там двенадцать, я до десяти должна была...

–Понятно, ну... идти всего ничего, карета в тыкву не превратится...

Я потерянно киваю.

–А что с... этим?– не хочу спрашивать, неприятно, словно бы говорю и пачкаюсь от этих слов, но как не спросить.

Демид останавливается и смотрит на меня. Что же это за глаза за такие- игривые, лукавые, колдовские...

–А тебе важно?

–Нет...-честно говорю я,– просто...

–Просто доверься мне,– звучит так спокойно, уверенно...
И руку протягивает. А я ее беру...

Демиду двадцать пять. Так много, что даже страшно... Голлова покруживается от понимания этого. Он тоже местный, тоже вырос у нас, на Балтике. Мне рядом с ним волнительно и... странно. Да, именно странно. Удивительные ощущения, мне не знакомые. Я пока еще в них не разобралась. Но это что-то совсем другое, ни на что не похожее. И не так, как я в книгах представляла...

Такси остановилось у темного от нависающих сверху многовековых крон деревьев подъезда, словно бы затаившегося в молчаливом возмущении из-за моего неприличного поведения. Я быстро вынырнула из автомобиля. Всё это было так непохоже на меня. Всего этого было так много... Еще с утра моим главным источником переживаний был сюжет книги, а сейчас... Тот гадкий Лёша, поведение Светы, мой спаситель, который еще и в такси усадил, отчего его близость теперь казалась мне чрезмерно интимной. Его запах. Его дыхание. Его смелый, открытый взгляд... Всего этого было через край здесь и сейчас... словно бы мне дали пить огромный стакан воды, а я захлебывалась.

На самом деле, даже в факте того, что он вызвал такси, Демид повел себя как джентльмен. Шокированная эмоциями, я ведь и забыла про свои горе-лодочки. Они сами напомнили о себе. Спустия метров триста, когда я невольно начала

прихрамывать, чувствуя как с каждым движением пятки загораются диким огнем, он сам меня остановил...

—А может быть, Русалочка?—усмехнулся, критично смотря на мои зажатые в тиски красивых, но безжалостных туфель ступни.

Я снова опустила голову в пол. Так и не могу пока понять—это он издевается и насмехается, когда всякий раз вот так говорит, или же это по-доброму?

—Подожди, красивая, давай такси вызовем...

—Нет,— пискнула я,— какое такси... С мужчиной? В таком-то часу...

—Тогда второй вариант— понесу тебя на руках. Что выбираешь?

Я подняла на него глаза и почему-то сразу поняла, что он ведь не шутит... А ведь и правда он бы понес. Сто процентов...

—Такси... Лучше...

—Так-то...

В машине мы ехали не более десяти минут и все больше молчали. Я мысленно благодарила его за это, потому что точно знала, что это не потому, что ему нечего спросить, а потому, что он не хочет это делать перед таксистом. Я и так вся была предельно зажата. Румянец, казалось, так и не покинул моих щек, как минимум, судя по ощущениям словно бы горячей кожи. Не хотелось посвящать совершенно посторон-

него человека в наше знакомство, да и вообще в факт того, что оно только состоялось. Я сказала «посторонний» о таксисте? Так-то. А ведь и Демид был мне посторонним... Или уже нет?

Щеки загорелись еще больше, когда я, выныривая из машины, подумала, что меня могут видеть кто-то из соседей... Особенно подружки моей бабушки... Что они подумают? Стыд-то какой... Вот же, Светка! Во что меня втянула! Хотя при чем здесь Светка! Сама я виновата не меньше. Не девочка же уже... Надо было думать головой.

Спрятались в тени деревьев. Снова почувствовала на руке его прикосновение. Дернулась. Аккуратно развернул меня к себе. Коснулся волос, поглаживая, а я отпрянула, как зверек.

–Тише, красивая, сережка с дерева в пряди запуталась.

Мы замерли на крыльце. Близко-близко. Странно-странно.

–Телефон свой оставишь?-спрашивает он, а я в ужасе понимаю, что не помню его наизусть... А главное, трубка разряжена, я и позвонить не могу, чтобы он хотя бы высветился у него.

–Я его не помню...-хрипло отвечаю, понимая, что ужасно звучу... Какой нормальный человек может не помнить своего телефона? А я правда не помню, потому что с месяц назад потеряла старую трубку- и пришлось заводить новый номер... Вот только звучит все это так, словно бы я хочу его отбортовать... А я не хочу... Совсем не хочу...

–Правда, не помню, месяц назад сменила только...– мой голос совсем глухнет. Я словно мышь сейчас пищу. И смотрю на него, наверное, так же, как мышь...

Он усмехается.

–Ничего страшного, красивая... мы легких путей не ищем. У моряка нет ни легкого пути, ни трудного. Есть один только путь- славный...

–Адмирал Нахимов?– вырвалось у меня само собой. Я знала эту присказку прославленного морехода. Дед ее очень любит еще со времен службы...

–Молодец, красивая... Смотрю, ты настоящая балтичка...

Кто он, я, конечно, догадываюсь, но спросить стесняюсь...

А он снова рядом. Наклонился, потому что выше... А мне нужно аж голову задрать, чтобы на него смотреть.

– Все-таки Русалка,– произносит, снова нежно глядя по волосам,– подходит тебе. Еще и с глазами этими, словно бы из морских глубин... – он неприлично близко. Давно в пределах личного пространства. И вообще, это очень неправильно, что мы здесь, на крыльце подъезда... А ведь сейчас точно кто-то пройдет...-знаю я теперь, где ты живешь, так что не сбежишь от меня...

–А я...-захлебываюсь в словах, в дыхании своем захлебываюсь, в эмоциях,– я и не хочу сбегать...

Улыбается. Смело, открыто. Знающе. Да, он прекрасно знает, что я уже готовенькая. Наверное. Сама еще ничего не

поняла, а он-то наверняка все уже знает...

–Завтра в семь давай в парке на Центральной, у главной клумбы. Ждать тебя там буду. Не придешь- вломлюсь к тебе домой...

–Не надо домой,– испуганно заартачилась я,– приду...

В этот момент железная дверь скрипнула. Я вздрогнула. Тут же выдохнула, когда не признала в прохожем жильца нашего подъезда. Наверное, гость чей-то. Но это не помешало ему с любопытством скользнуть по нам обоим знающе-насмешливым взглядом умудренного опытом жителя планеты в духе «знаем мы, что вы тут вечерами по подъездам обжигаетесь».

–Ну, беги, красивая... И запомни на будущее- юбочку такую короткую надо носить тогда, когда есть тот, кто защищает...

Не успела даже охнуть, когда его полные губы быстро коснулись моей щеки и обожгли ее поцелуем.

Боже, сердце вот-вот вырвется наружу...

Я не сказала ему «до свидания». Вбежала по лестнице, как сумасшедшая, резко распахнула дверь в квартиру и тут же учуяла запах корвалола с порога...

Глава 4

30 июля – главный день каждого военного моряка. В наших краях даже самый нерадивый школьник знал, что этот праздник был учрежден еще Петром I после победы российского флота при Гангуте над шведским отрядом во время Северной войны. А еще все мы- от мала до велика- еще за несколько дней до праздника начинали предвкушать, как будем смотреть парад Военно-морского флота, один из самых торжественных и мощных в нашей стране. Ежегодно он проходит в Балтийске- западной точке России, как у нас любят говорить, «на самом краю».

Мое детство- это Балтийск. Моя юность- это Балтийск. А потом я узнаю, что здесь, на родной земле, произойдут судьбоносные события моей жизни... Годы будут пролетать один за другим, рисуя жизнь размашистыми мазками импрессиониста, а жизнь там- в маленьком городе «на краю» нашей огромной страны станет самым ярким, самым четким пятном на моем жизненном холсте... Я закрываю глаза и помню, как вчера... Июль, изумрудная зелень обильной листвы, тополиный пух, вечно цепляющийся за волосы, красные кирпичные стены старинных домов с жестяными крышами, по которым так любил топтать дождь, песчаный пляж с дюнами, вечно беспокойное, словно бы хмурящееся море...

Даже если ты не моряк и бесконечно далек от этой про-

фессии, Балтийск все равно «покрестит» тебя в цвета Андреевского флага (прим.— флаг военно-морских сил). Здесь говорили, что даже соленый воздух пропитан примесью пороха, заряжающего тебя мореманством. Так или иначе, вся жизнь в наших краях была подчинена закону моря и его властителей- моряков. Корабли заходят в гавань Балтийска, а горожане с пирса могут за этим наблюдать – всегда с охотой это делают. Возвещая о своем прибытии или отбытии, корабль обязательно издает гудок. Каждая семья, отправляющего своего моряка в поход, знала «свой гудок». И живет «от гудка до гудка».

Главным праздником у нас, конечно же, всегда был не новый год, а парад военно-морского флота. Ну, не могло быть иначе. Он и был воплощением всех тех высоких идеалов, ради которых мы жили, жертвовали собой, хранили и передавали из поколения в поколение традиции... Мы с самого детства не пропускали ни один парад. Сначала ходили со взрослыми. Когда доросли до старших классов, стали собираться девчонками, стараясь держаться своей компании, чтобы и похихикать, и пошутиться, и поглазеть по сторонам. А поглазеть было на что. Без преувеличения можно сказать, что в этот день здесь были все- местные, приезжие со всех концов России, иностранные туристы, особенно из соседних стран. Калининградская область ведь анклав, окруженный со всех сторон международной границей. Что уж говорить про красавцев-военных в идеально выглаженной белой форме,

сверкающей золотыми звездами на погонах. Они были непоколебимым авторитетом, мужчиной мечты каждой маленькой девочки... Я, наверное, тоже не была исключением. И хоть и била себя в грудь, доказывая с бравадой, что ни за что не выйду замуж за военного, все равно неизбежно тянулась к образу прекрасного капитана, пришедшего с большой воды...

–Зачем сразу замуж?–любила прихмыкнуть Светка, особенно если мы были в большой компании,– что у тебя все так скучно, Аврора? Знаешь, с мужчиной можно делать кое-что еще помимо похода в ЗАГС...– и прыскала в этот момент.

Я понимала, к чему она клонит и всегда тушевалась. Эта ее деланная наглость не шла ей. Ни по возрасту, ни по уместности... Светка росла только с матерью, местной парикмахершей. Стоит ли говорить, что та встала костью в горле не одной семье моряков... Всякий раз, когда Екатерина Андреевна шла по улице, женщины злобно шипели ей вслед, а ей было словно бы это даже забавно. Она любила делать высокий начес на своих обесцвеченных, накрученных химией волосах, подводить жирными стрелками серые глаза и красить длинные ногти красным лаком. А еще Светка вечно приносила от нее эти пошлые фразы, значение которых я начала узнавать только спустя годы. «Умные генералы, молодцы, заботливые. Постарались и сделали звездочки на погонах морячков гладкими, чтобы чулочки у нас не рвались», «а этот знатный эксперт в деле плетения морских узлов»...

Когда-то я понимала все это буквально, вызывая снисходительную улыбку своим неведением. И жутко этого стеснялась. Осознание того, что этого-то как раз стесняться и не стоило, тоже пришло ко мне далеко не сразу. Мы все стесняемся неопытности и отчаянно пытаемся её запрянуть- за вранье, за ошибки молодости, за авантюризм, а потом с сожалением оглядываемся назад и понимаем, что именно её-то и не вернешь...

В этом году я пропускала парад в первый раз. Странно было от этого на душе, как-то не так, словно бы особенное предчувствие окутывало все мое сознание. И дело было не только в том, что бабушка сказала, что я не выйду из комнаты до конца лета за свое жуткое поведение и не разговаривала больше со мной со вчерашнего вечера. Гораздо сильнее расстраивало молчание Светки, а ведь я ей набирала раза четыре за сегодня... Какой бы она ни была, что бы ни произошло накануне, мы с детства близки. И уж, конечно, какой же парад для меня без нее. Интересно, где она? И долго ли будет дуться. В горле запершило от обиды. Мне так хотелось объясниться с ней. Я ведь не виновата, ни в чем не виновата...

Настроение было из-за всего на нуле. Мысли то и дело возвращали меня к Демиду, знакомство с которым так рьяно ворвалось в мою жизнь, что я даже этого пока до конца не осознала. Об этом тоже страсть как хотелось поговорить со Светой, с кем еще мне было делиться? Я понимала, что никакого свидания у меня сегодня не будет. Скорее всего, во-

обще не будет, потому что бабушка в своих приговорах всегда очень категорична. Страх был только один- а вдруг он и правда придет и начнет ломиться к нам? И что тогда? Боже, стыд-то какой. Тут же успокаивала себя- в доме четыре этажа, по четыре квартиры на каждом, он попросту не найдет меня. По крайней мере, я на это надеялась. Или наоборот? Может быть, я, наоборот, мечтала, что он придет? Спустя много лет я пойму именно это- ключевое во всем этом было именно «мечтала, что придет»... Но это будет много после. А пока...

Вечерело. Стрелки часов давно миновали семь вечера и приблизились к восьми. Балтийское небо стало потягиваться перед сном последними солнечными лучами, уже пристроившимися почивать багровыми линиями на горизонте, белые облака-барашки накрывали их своими пышными перинами. Я в который раз за день взяла томик Грина, но снова его отложила. Странное дело, впервые книга не шла. Совсем не шла... Голова была слишком забита множеством мыслей, чтобы получилось забыть в книжной истории.

Услышала звонок в дверь и встрепенулась. Может соседка? Кто в такой час? Бывало, что к бабуле заходили- чай попить или муку позаимствовать.

В коридоре послышался звук открывающейся двери и отдаленный разговор. Я улавливала только тембры и интонации. Замерла. Мужской голос? Или мне показалось? На секунду почему-то даже всплыла отчаянная нелепая мысль,

что это отец вернулся, но...

–Аврора!– услышала строго-заинтересованное бабулино из прихожей,– подойди, пожалуйста.

Выхожу и шумно выдыхаю... Демид. В буквальном смысле при полном параде. Военном. Значит, все-таки военный моряк, правильно я догадалась... С букетами цветов- две охапки- розы и ромашки...

–Привет! Как дела? Скажи, пожалуйста, своей бабуле, что я не самозванец, а то она не верит. Грозится за дверь выставить...-снова этот взгляд, от которого становится тепло в животе, а голова кружится. И улыбаться хочется его милой дерзости. Как ему форма шла, словно бы с картинки. Белый двубортный китель с отложным воротничком подчеркивал благородное лицо, обрамленное темными бровями, золотой аксельбант, брюки в цвет по фигуре с острой стрелкой, о которую, казалось, можно пораниться- только коснись.

–Бабушка, это Демид, он вчера... проводил меня до дома...-чуть не поперхнулась от своих слов, в горле все пересохло, а в голове завибрировало.

Сквозь напускную строгость бабули, успевшей скользнуть взглядом по его погонам, увидела просвет едва уловимой улыбки.

–То есть не самозванец, а виновник твоего вчерашнего демарша?

–Никак нет, мадам,– вмешался в наш диалог Демид, мамерно наклонив голову в демонстрации почтения, сразу тем

самым подкупив бабулю,— кстати, эти розы для Вас! Настоящей женщине только красные розы... А Вам, юная леди,— протянул мне терпко-ароматный букет белых мелких цветочков,— вести с полей...

—Ну, что ты стоишь в дверях, Аврора,— деланно упрекнула меня бабушка,— пригласи гостя в дом. Моряк моряка видит издалека... У нас же праздник сегодня, как-никак?

—Так вы тоже?

Бабушка гордо повела бровью.

—Мой супруг Ефим Петрович, капитан первого ранга в отставке,— профессор в Бурсе, между прочим. Один из лучших специалистов по артиллерии...

—Ефим Петрович?!—воскликнул воодушевленно Демид,— твой дед, Аврора?! Вот так совпадение! Вот это да!

—Что за шум, а драки нет?— в дверях появился хромающий дедушка, придя на наши голоса.

Демид снова принял самую достопочтенную позу, от чего его статная фигура, казалось, вытянулась еще больше.

—Разрешите представиться, товарищ капитан первого ранга, капитан-лейтенант Демид Пономарев, старший помощник на корвете «Резвый».

Пономарев? Я не ослышалась? Вроде, такая же фамилия у ректора Бурсы, насколько я помню... Дед про него часто рассказывал.

—А, так вот оно, что, Пономарев-младший, значит... Наслышан о тебе, Демид, хоть и странно, что ты в Нахимовское

поехал, на север, а не к нам...

–Так понятное дело, при отце... Не хотел, чтобы думали, что по благу, что кумовство...

–На флоте кумовство не грех, парень. Мы только и стоим, что на преемственности и традициях...-философски умозаключил дед, как любил.

–Пономарев?-переспросила деловито бабуля словно бы у себя и без ответа сразу все поняла,– так что же мы в дверях всё да в дверях?! Давайте быстрее в зал, к столу! Сегодня день-то какой! Нужно отметить! Аврорка, айда со мной на кухню, что-нибудь сообразим к ужину. У меня жаркое как раз в духовке доходит, а деду вчера в конторе,– как она любила по флотской старинке называть училище,– такой хороший дербентский коньяк подарили, пьешь- словно бы амброзия (прим.– в древней Греции легендарная пища богов).

Глава 5

–Удивительно, и как только бабушка меня отпустила с Вами?– как я ни пыталась, в голосе продолжала слышаться робость. Присутствие Демида заставляло меня трепетать, даже паниковать. Он казался таким взрослым, важным, сильным... И этот взгляд дерзко-лукавый. Он словно бы снисходительно потешался надо мной, как обычно это делают над детьми. Или мне это только казалось?

–И долго еще ты будешь меня на «Вы» называть?– усмехнулся, не спрашивая, взяв мою руку в свою,– отпустила, потому что умная у тебя бабушка, плохого не посоветует, ты ее вообще слушайся...

Я лишь вздохнула. А кого еще мне слушаться. Ее и слушаюсь... При мысли о том, кого и чего я слушаюсь, резко опять вспомнилась Светка, которая до сих пор так и не объявилась. На сердце неприятно засвербело. Некрасиво получилось с ней, неправильно.

–Куда пойдём, Русалка? В кафе тебя повести- мороженое поесть?

–Нет, давайте, то есть давай не в кафе,– поспешила я его отговорить, у нас на весь город этих кафе раз-два и обчелся... И там все свои, всех знают. Наверняка будет кто-то знакомый деда, отца Демида или его самого. Только этого мне не хватало, от стыда умру...

–Куда хочешь тогда? Любой каприз красавицы... – краешки его губ слегка дернулись в легкой улыбке.

–Может к морю?

–К морю? Seriously? – снова эта его манера потешаться, – Русалка-Русалка, тянет тебя к своей стихии?

–А тебя разве не тянет?

Он задумался. И даже стал каким-то более серьезным что ли...

–Знаешь, тянуть не тянет. Честно тебе скажу. Для меня море- работа. Подвернулся бы по жизни другой, более комфортный и спокойный вариант профессии, с радостью бы переметнулся, если бы что-то умел еще делать. Да только все эти взбрыкивания и попытки найти себя в другом- разговоры ни о чем и ни к чему хорошему не приводят. Как у нас говорят, речной рыбе в море не плавать, хоть река и впадает в море. Каждый на своем месте. Отец у меня моряк, дед был моряком. Чем еще заниматься в нашем городе? Странно было бы пойти по другой специальности. У нас какая альтернатива- если не ВМФ, то вспомогательный флот, но ты ж понимаешь, какой это позор для сына военно-морского офицера, еще и адмирала? Служить на побегушках у военных, когда сам- белая кость, когда дома за стеклом награды предков? Засмеют. И такие красивые девчонки, как ты, внимание не обратят, – развернул меня к себе игриво. Демиду явно все эти разговоры за жизнь сейчас были совершенно неинтересны. Он не собирался развивать эту тему и логически ее за-

крыл. А я вдруг вспомнила про слова бабушки об отношении к морю... Значит, для него море-работа... Должно быть, это хорошо.

Да, наверное, по её мнению, Демид идеальный, то-то она с ним меня так легко и отпустила погулять вечером. А ведь уже вечерело...

Посмотрела на него искоса. А он и правда идеальный. Красивый такой. Осанка горделивая, стать. И девушки на него так заглядываются, пока мы идем. И я даже себя как-то чувствую иначе- меня словно бы замечать начали... А раньше ведь я вообще была для всех невзрачной тенью яркой Светки.

Погода на набережной привычно ветренная. По седым волнам бегают белые барашки. Балтика редко когда бывает спокойной. То хмурится, то сердится, то просто настораживается в напряженном ожидании. А я всегда умела словно бы различать эти её настроения- с детства обожала вот так прибегать к большой воде и смотреть, какая она сегодня, какое оно- мое море. Странно, наверное, но кто жил вот так, на берегу, меня поймет...

— Расскажи мне немного о себе, Аврора, я же почти о тебе ничего не знаю.

— Ну, живу я с бабушкой и дедушкой, как ты уже понял. Учусь...

Первое предложение далось с трудом. Должно быть, он ждал от меня чего-то о родителях, но этим с ним делиться

сейчас не хотелось... Еще слишком рано... да и это слишком личное.

На удивление, Демид словно бы почувствовал мое возросшее напряжение. Тактично продолжил, сам поведя разговор в нужное русло.

– Студентка второго курса, получается?

– Да, учусь на языковом, – чуть кашлянув, снова подавив нерешительность, отвечаю робко, – учу английский и французский.

– Ух ты, что, прям знаешь два иностранных языка?

Я пожала плечами.

– Ну, не то, чтобы знаю. Наша начальник курса всегда поправляет, что язык – это такой особый мир, что и всей жизни мало, чтобы все его нюансы знать... Поверь мне, устрой нам строгий экзамен по русскому языку, родному – мы и его завалим...

– Ну, ты как бы свои знания оценила?

– Я уверенно читаю в оригинале на английском, потому что училась в школе языковой. По-французски пока с трудом, но думаю, что потихоньку тоже начну – по крайней мере, старшекурсники так говорят, после третьего года обучения он пойдет легче и понятнее. Там грамматика сложнее, чем в английском, зато много родственных слов с английским, и представляешь – даже с русским! К примеру, все наши слова на «–ция» – французского происхождения.

– Надо же, молодец какая. И читает она, и столько всего

знает. Я вот тоже английским вроде как владею. Ну, могу объясниться. Нам же важно, когда заходим в иностранные порты. Но это так, всё больше на пальцах объясниться. Главное, чтоб поняли. Не до изысков лингвистических.

А я опять не поняла, это комплимент или он снова меня ментально поощряет, как маленького ребенка...

Сильный порыв ветра подхватил мои распущенные волосы и заставил затаить дыхание, хлестнув по лицу. Я поежилась.

—Холодно, красивая?—не дожидаясь ответа, накинул на мои плечи свою тужурку. А я мысленно порадовалась, что не напаяли юбку. А то бы сейчас чувствовала себя по-идиотски, опасаясь, что ветер ее задерет.

Непривычно было чувствовать на себе его одежду- и дело было даже не в том, что это часть парадной формы и казалась мне очень тяжелой. Она несла его запах, его энергетику. Мужскую энергетику. Впервые так близко была чужая мужская энергетика. Это кружило голову.

Мы дошли до старинного сквера на набережной, излюбленного места парочек. Не только за красивый вид, но и за интимность, которая создавалась сенью развесистых крон старинных вязов. Красивое место. Я ведь тоже мечтала, что буду ходить сюда со своим парнем, безумно влюбленная и взрослая. А теперь вот оно, как...

Сегодня народу здесь было очень мало. Может из-за погоды, хотя кого ею испугаешь у нас в Калининградской об-

ласти.

Притянул к одной из пустующих лавочек. Усадил, а сам сел совсем рядом. Так, что наши бедра касались друг друга. Сердце забилося, как сумасшедшее. Внутри что-то натянулось. Для меня все это было странно, ново, неизведано и пугающе. Я как будто вылезла на крышу несущегося поезда и стояла, наслаждаясь моментом и в то же время дико боясь, что упаду. Страшно и заманчиво одновременно. Свобода, взрослая жизнь... Волнительно...

Развернул мое лицо к себе. Провел по коже щеки костяшками пальцев. В глаза заглядывает. Будто бы считать меня пытается.

—Все-таки красивое у тебя имя, Аврора... Подходит тебе. Необычное... Как и ты сама. Думаю о тебе второй день. Давно таких девочек не встречал, да еще и где-к стенке прижатой возле туалета в клубе.

Я дернулась от его слов и явно покрылась пунцовой краской, вспоминая вечер накануне. Прямо почувствовала, как к щекам прилил жар. Хотела было опять что-то возразить, объяснить, но он не дал. Накрыл мои губы своим большим пальцем, прошипел тихо-тихо, но повелительно «Тсс»...

Приближает ко мне лицо. А у меня сердце вот-вот вырвется из грудной клетки... Как же все быстро. Как на карусели, когда голова кружится...

В последний момент отпрыгиваю от него, как коза. Он, наверное, и не ожидал, да и я сама не ожидала. Еще секунду

назад смотрела на него, как зачарованная, а теперь вот что-то внутри меня само заставило в последний момент отстраниться.

—Прости...— говорю, почти задыхаясь, не отрывая взора от пола, страшно поднять на него глаза,— просто... Всё слишком быстро. Я... не готова...

Я на другом конце лавки, но его это, видимо, не смущает. Он тут же преодолевает расстояние между нами. Снова чувствую его пальцы— теперь на подбородке. Поднимает мое лицо на себя.

Наши глаза пересекаются и я удивляюсь тому, что он улыбается, а не расстроен от моей выходки малолетней неумехи.

—Ты еще не целовалась ни с кем, Русалка, да?— его голос сейчас немного хриплый. Наверное, это сильный ветер. Продуло. У нас вот так подхватить простуду проще простого...

Отрицательно качаю головой. Снова отвожу глаза.

А Демид снова берет меня за подбородок.

—Не волнуйся, красивая. Не обижу я тебя... Всё будет хорошо... Пойдем домой, а то простудишься еще.

Опускает ладонь на коленку.

—В джинсах такая же кукла точеная, как и в юбочке. Нравись ты мне, Аврора. А это знаешь, что значит?

—Что?—звучит тихо-тихо и сипло.

Снова потешается над моим вопросом.

—Секрет,— на этот раз улыбка шире и более открытая,— завтра снова украду тебя у твоих бабушки и дедушки. С дру-

зьями тебя своими познакомлю. Хорошо?

Я нервно киваю, а у самой внутри все замирает. Волнительно и страшно до безумия. Как я там буду смотреться, среди его друзей? Они, наверное, такие же взрослые, как и он?

–А можно я подружку с собой возьму?– это как раз тот случай, когда рот произносит слова раньше, чем мозг сообщает. Инстинктивно как-то это получается. Светка всегда меня выручала в ситуациях, когда было до безумия неловко... Может и сейчас. И только спустя мгновение вспоминаю, что мы же типа как в ссоре. Ну, она со мной так точно.

Демид на секунду замирает, немного хмурится, а потом кивает мне.

–Конечно, бери...

Глава 6

Помните роман «Дети Дюны» про волшебный, неизведанный мир? Сюжет мне, честно говоря, не очень понравился-немного это не мое- вся это космически-воинственная романтика, зато название запало в душу навсегда. «Дети дюны»— а ведь мы и правда были детьми дюн, опоясывающих Балтику причудливым, вечно движущимся светло-желтым поясом. Удивительное явление природы. Вечно меняющая свои очертания от порывов ветра песчаная масса с задорными проросшими хохолками зелени и торчащими то там, то здесь острыми зубами бетонных плит- остатков построек времен войны- этот образ моего детства перед глазами, стоит только их прикрыть и улететь в прошлое.

Мы любили проводить время в дюнах. Здесь бросались песком дети во время своих резвых игр, здесь уединялись парочки, здесь пытливые местные накапывали свои сокровища- выбрасываемые на берег янтарные кусочки, и ведь даже попадались среди добытых трофеев большие куски...

Сегодня мы тоже были здесь. И все как у взрослых- костер, мелодично-расслабляющее перебирание струн гитары, незамысловатые сосиски на толстой металлической проволоке... Демид и его друзья- еще две парочки...

Все они были старше и, наверное, тоже поглядывали на нас со Светкой свысока, тоже насмехались над нашей

неопытностью и молодостью. Со временем я пойму, что это вовсе и не насмешка, а внутреннее, бесконтрольное сожаление об упущенных годах. Каким бы счастливым и успешным ты ни был в настоящем, всегда есть прошлое- и оно молодое, беззаботное, наивное... Там мы, как ни крути, лучшая копия себя- более чистая, более открытая и правильная. Вот по этому чувству, по этому состоянию мы всегда и будем скучать- и всегда будем презирать тех, у кого оно пока есть, кто пока живет в том моменте. Загляните ненароком в глаза старших, когда они смотрят на вас, словно бы наблюдая- и вы увидите взгляд, на самом деле обращенный внутрь себя.

–Девчонки, а что вы поутихли? Давайте что ли споем что-то веселенькое...– хохотнул Дима, веселый балагур компании.

–Не, а давай лучше, наоборот, невеселое, а романтическое... Сыграй ту, вашу, армейскую... А, вспомнила, «Напиши мне»...-вмешалась Ника, его девушка. Красивая блондинка нордического типа с гладкими и ровными, как шелк, волосами и ногами, как сейчас говорят, от ушей. На фоне коренастого Димы, сослуживца Демида, она смотрелась какой-то уж совсем не из этого мира супермоделью. По правде говоря, с Демидом они были бы как раз органичной парой-все-таки красивым он был, что ни говори. И форма к лицу, и джинсы с футболкой.

Светка, когда увидела его, аж присвистнула. Мы шли к машине его друга от моего дома, а она мне руку сжала и про-

шептала:

–Ну, даешь, Аврорка... А еще серая мышка, называется... Какого Аполлона захапала. Давай, и мне теперь такого организуешь, за тобой вообще-то должок...

Организовать по ходу не получилось, потому что вся компания была разбита на парочки. Кроме Димы с Никой был еще Валера с Катей- оба друзья детства и одноклассники Демида. Обе пары скоро должны были пожениться, о чем Катя не уставала напоминать каждые полчаса, демонстрируя аккуратный блестящий камушек на пальце. Ника вела себя более холодно и отстраненно, но то, кто здесь хозяйка и королева, на территорию которой претендовать чревато, давала понять и без потуг. Правда, Свету такие расклады, похоже, ничуть не смущали. Она, в отличие от меня, быстро нашла со всеми язык. И песни все знала наизусть, и анекдоты умело травила... Я же, конечно, замкнулась в себе еще больше. Меня смущала эта взрослая компания. А еще я довольно часто ловила на себе цепкие, изучающие взгляды его друзей. И его самого. Демид сегодня был расслабленным, довольным. И взгляд какой-то сахарный, гладкий, скользкий.

Ребята допивали красное сухое вино из пластиковых стаканчиков, но мне Демид в шутку запретил.

–И что за ханжа?-рассмеялась гортанно, беря протянутый им же стакан Светка,– мне, значит, можно, а ей нет?

Как же я была рада, что Светка сейчас с нами и все-таки согласилась на мое приглашение, пусть и подняла телефон

только с попытки пятой, не меньше.

–Ей не нужно,– шутливо-строго произнес Демид,– я ее бабушке обещал что верну в целостности и сохранности принцессу...

Светка лишь хмыкнула, пригубив светящуюся рубиновым на фоне света от костра жидкость.

А я поежилась.

Мгновение- и он сел рядом, приобнял за плечи.

–Замерзла, Русалочка?-его горячее дыхание, смешанное с хмельными парами, обожгло щеку и ушную раковину.

Взял обе мои руки в плен своих больших ладоней. Растер.

–Ты как? Какая-то вся закрытая, скучающая...

–Нет, всё нормально,– улыбаюсь я искренне.

Его запах обволакивает и, правда, согревает. И мне, конечно, лестно, что такой, как Демид, со мной. Со мной же?

–Давай-ка отойдем, красавица,– чувствую, как слегка сжимается его рука на моей талии.

Оставляем ребят, которые, за энтузиазмом своих песнопений даже и не заметили, как мы удалились за соседний хребет дюны.

Стоило нам только скрыться от посторонних глаз, Демид резко прижимает меня к себе, от чего дыхание спирает.

–Русалочка,– шепчет он и находит мои губы.

Я дрожу, но не отстраняюсь. Потому что мне самой хочется. Любопытно. Интересно.

Я думала о том нашем несостоявшемся поцелуе. И дала

себе слово, что впредь буду посмелее. Даже если придется преодолевать себя. Потому что пришло время взрослеть, а не жить иллюзиями несбыточного из книг.

Он сначала просто нежно касается моих губ, а когда чувствует, что сопротивления нет, протискивается языком внутрь. Его дыхание хмельное и горячее. Это так странно- вот так целовать другого человека, чувствовать вкус его слюны, утопать в его запахе.

Демид вжимает меня в себя. Я ощущая исходящий от его тела жар, а еще- то, как его руки скользят по моей фигуре через свитер и джинсы. Он сжимает мои ягодицы собственнически, опоясывает талию. Его вторая рука просачивается под одежду и находит бюстгальтер. Большая шершавая рука касается теплой кожи полушарий- там, где никто никогда не касался. Я сжимаюсь, дергаюсь и невольно охаю на выдохе. Вот она, запретная черта, за которой настоящая жизнь, а не книги. Вот она, взрослая Аврора...

–Ты очень красивая, Русалочка...– шепчет он мне в губы,– башку рядом с тобой сорвало...

Я делаю шаг к нему, но мне все еще сильно страшно. Мы набрали скорость слишком быстро. Я начинаю немного паниковать, потому что его напор пугает. Черей край в нем мужской силы, которая может сломать, навредить... Это какой-то подсознательный страх, интуитивный. Как когда нужно зайти в лифт с подозрительным незнакомцем, а в подъезде нет света.

–Демид,– пишу, пытаюсь немного отстраниться.

И он отступает. Глубоко дышит, прижавшись лбом к моей щеке, несколько ослабляет хватку.

–Нам завтра в поход.– шепчет, нежно целуя в щеку,– я перед походом обычно ухожу в загул, потому что в море тяжело без женщин. Но ты... Как тебя встретил, никого не хочу и ничего. Только с тобой...– заглядывает в мои глаза, гладит по волосам.

–Аврора, дождешься меня?-это даже не вопрос, это звучит как констатация факта.

Я лишь киваю, потому что в горле ком волнения. Ловлю каждый его вздох, каждый слог.

–А писать будешь?

–Буду... Куда только, скажи, пожалуйста, адрес...– хрипло и нелепо, а он снова гортанно смеется.

–Ага, с голубями будешь присылать...-снова гладит по лицу,– на мыло, куда же еще...

–А интернет разве там у вас есть?

–Я организую, об этом не волнуйся... Ради твоих писем не проблема...

Глава 7

Для любого жителя наши краев гавань-особое место. Место силы. Место начала и конца в самом правильном смысле этих слов. Семьи моряков провожают и встречают заход и отход кораблей именно там. Как говорила моя бабушка, гудок корабля, который слышит без преувеличения весь город, для каждой женщины звучит по-своему... Когда ты провожаешь или встречаешь своего мужчину, ничто не сравнится с этим звуком по глубине эмоций, которые он будит.

Когда я родилась, дед уже вышел на пенсию, так что встречать и провожать мне было некого. Какое-то время, правда, мы играли с мамой в такую игру- ходили к пирсу и представляли, что приходит мой отец. Вернее, в нее играла я, а мама меня поддерживала. Много позже у нас в городе появится памятник жене моряка- красивая фигура девушки, держащей в руках ребенка и смотрящей на море. Бабушка с гордостью сразу заключила, что он был списан с нас с мамой- больно красивая она была, хоть и несчастливая... Опять же, ее слова. Я же в один прекрасный день, когда в очередной раз услышала бабулины причитания относительно непутевости моего отца, перестала его ждать. Засунула глубоко подальше в сердце свои наивные мечтания. И утешала себя мыслью о том, что настанет день, когда буду ждать вот так на пирсе мужа. Или провожать его- с гордостью и тоской, слившимися-

ся воедино в сильнейшее чувство...

Демида мы тоже пошли провожать на пирс. Я и Светка. Она сама вызвалась, ну а я и рада была. Все-таки в компании приятнее и легче как-то. Все эти эмоции для меня были пока очень уж чужды, непонятны, неизведаны... Присутствие рядом, по правую руку, уверенной в себе подруги успокаивало...

–Хорош, конечно, этот твой Демид, хоть и моряк...– хмыкнула она, когда корабль уже успел поднять якорь.

–А что плохого в том, что моряк?

–Ну а что хорошего?– снова кривая усмешка,– что хорошего в моряках-то? Зарплаты копеечные, дома их вечно нет, кто там у них- на других берегах-то, какие болячки тебе привезут из походов вместе с французскими духами и тефлоновыми сковородками в подарок...

Я сейчас точно знала, что говорит это, конечно, не она, а ее мать. Вот уж точно кто ждал десятки моряков на своем берегу вдали от семей и домашних очагов...

– Со стороны жизнь военных моряков кажется сказкой, и жёны их прекрасные елены все, а на деле... Трудно уходить в походы на девять месяцев и полностью доверять партнёру. Короче, дурочка ты, Аврорка, что связалась с этим каплеем (Прим.– военно-морской жаргонизм, «капитан-лейтенант»), но... Для первого раза сгодится... Неплохой такой экземплярчик...

– В смысле для первого раза?– опять спросила у нее я.

– Ну, первый мужчина, все дела. Офицер, тужурочки, погончики, звездочки, вкус французской булки... Что еще надо для красивых воспоминаний? А потом, как поумнеешь и подрастешь, присмотришься к таким, как Лёша из ДК- вот у кого и бабки, и влияние, и жизнь как у Христа за пазухой.

Я лишь отмахнулась от ее слов. Не хотелось сейчас ни о Лёшах, ни о будущем. Смотрела на море, на то, как удалялся из виду военный корабль- и никак не могла понять, что на душе. Сердце щемило, как от тоски, да вот только не понятно, почему. Мы еще не так прикипели друг к другу с Демидом. А может быть, я путала это чувство со страхом неизвестности? Что будет дальше? Чего он будет ждать от меня по возвращении? Да и когда это возвращение... На мои вопросы точно он отвечать не стал. Сказал, так не принято. Мол, военная тайна. По опыту знала, что поход может длиться и две недели, и девять месяцев... Конечно, через деда всегда будет возможность узнать, но как-то неудобно было в это еще и дедушку вовлекать...

Деда вовлекать не пришлось. Обо всем хлопотала бабуля. От нее я и узнала, что корвет «Резвый» ушел в поход на полтора месяца, что у них на корабле новый капитан – молодой, но очень строгий и принципиальный, поэтому вся команда ходит на цыпочках.

Бабушка, казалось, говорила обо всем этом, словно Демид уже стал частью нашей семьи. Словно бы она уже все реши-

ла за нас с ним- и что пара мы идеальная, и что впереди у нас общее светлое будущее. Несколько раз, при ее разговорах с подружками, я даже слышала краем уха, как она про сына Директора Бурсы говорила как о «нашем женихе», а ведь никаких таких заходов не было еще и в помине... Да и как вообще об этом можно было так серьезно говорить? Мы знали друг друга от силы десять дней!

–Ну и что? А ты в курсе вообще, что твой дед влюбился в меня с первого взгляда, когда мы в одном троллейбусе ехали? Подошел ко мне и сказал- хочу на Вас жениться, красавица! И мы поженились через месяц, понятно? И никаких годов совместной жизни, «чтобы присмотреться», как это сейчас у вас модно, когда сначала сожительствуют годами, а потом расходятся, как чужие люди! Тьфу, стыд и аморальщина!

Спорить с ней было бесполезно. Поэтому я просто отпустила ситуацию. Скоро начиналась учеба- и я ушла с головой в чтение и повторение пройденного материала.

С Демидом мы переписывались- и он, правда, отвечал мне регулярно и исправно, как и обещал. Был очень внимательным к моим письмам и ни одно не оставлял без ответа. Иногда сообщения были короткими и односложными. Иногда пространными... Объяснял это нагрузкой на корабле и обстоятельствами доступа к интернету. Он рассказывал о друзьях-сослуживцах, о том, какие фильмы смотрел, когда не был на дежурстве, как скучал по нормальной жизни на суше,

а еще все время спрашивал о том, как у меня дела и чем я занята... И тут я впадала в ступор- потому что как-то непривычно было раскрывать ему свой внутренний мир, да и боялась я это делать. Светка всегда говорила, что я немного малахольная, не от мира сего. А может она и права. Вдруг я расскажу ему про то, о чем думаю, о чем читаю, чем интересуюсь- а он не поймет, засмеет... Очень сложно пускать человека в душу, когда опасаясь, что он может стать слоном в посудной лавке.

И тем не менее, общение у нас удавалось. Демид даже иногда звонил, когда была возможность. И как мне казалось, в разговорах был откровенным. Наша переписка вообще неделю за неделей принимала с его стороны все более настойчиво-пылкий характер. Он просил меня отправлять ему мои фото, спрашивал, думаю ли я о нем перед сном, снится ли он мне, все время напоминал о нашем поцелуе и говорил, что возвращается в мыслях к нему снова и снова... Меня и смущали эти темы, и волновали одновременно. Все это было по-взрослому, пугающе и влекуще. И даже когда он попросил меня прислать ему фоку в белье, я сначала долго сомневалась и краснела, а потом, попытки с десятой, все-таки сфотографировала себя поудачнее в зеркале в ванной и отправила, сильно зажмурив глаза.

Я знала, что он прочитал письмо, но не ответил. Ни через час, ни через три, ни через сутки. И сотни раз проклинала себя за это время, что сделала это – что поддалась на

его уговоры, что совершила такую несусветную глупость и отправила это пресловутое фото. Наверное, я вышла уродливо, да и вообще, с чего я в принципе решила, что красива? Что вообще могу отправлять такие фото? С одного его комплимента? Так может это он шутил, как любил все время делать... Щеки горели, руки болели от того, что я все время их заламывала. Голова была готова лопнуть от перенапряжения и стыда...

К вечеру второго дня мне пришло на почту от него словосочетание, заставившее внутри одновременно все вздрогнуть и затрепетать.

«Хочу тебя».

Глава 8

-Аврорка, чай не маленькая уже, айда на кухню, поможешь мне Шарлотку испечь, – деловито заторопила меня бабушка.

Я лишь закатила глаза.

С раннего утра бабушка стояла у плиты, соревнуясь сама с собой в изобретательности и искусности своего кулинарного мастерства. Стол в гостиной уже торжественно стоял выдвинутым и разложенным у дивана, покрытым кипенно-белой, идеально выглаженной скатертью. И даже тарелочки с аккуратной голубой каемочкой из буфета мне было велено достать и оставить горкой на столе.

Все в доме говорило о том, что ждали важных гостей. Ждали... Бабушка уж точно ждала, чуть ли не со вчерашнего вечера.

Ее «агентурная сеть» из подружек-жен военных, кто же еще, донесла, что «Резвый» должен был сегодня зайти в гавань. Точное время прибытия военного корабля с похода редко когда бывает известно, поэтому готовиться к прибытию мужчины в семье обычно действительно начинали загодя... Только вот мы- то здесь при чем? У нас нет мужчины в походе... Думала об этом- и все больше раздражалась, замыкаясь в себе.

И что, дедушка ничего не скажет? Он смотрел на бабу-

лины приготовления из-за своей газеты с молчаливо-отстраненной улыбкой, словно бы как на детскую блажь. Да и кто знает, что точно у него было на уме. Я вот даже не могла понять тогда, что в голове у меня самой было...

И почему только бабушка была уверена, что Демид должен будет к нам зайти? Ну, даже если и правда бы зашел, зачем весь этот официоз? Она что думает, что этот торчащий, как огромный несуразный зуб в беззубом рту посреди зала, стол не выдавал все её матримониальные планы? А иначе для чего она так старалась?

Но говорить с ней на эту тему было совершенно бессмысленно. Если уж бабушка что себе решит, ее не переубедить. Так что я лишь тяжело вздыхала... А сама отнюдь не была уверена, что он вообще придет...

Я не ответила ему на его последнее сообщение. Не смогла. Помню, как с дико бьющимся в груди сердцем захлопнула ноутбук и отбежала от него, словно ошпаренная кипятком. Я не знала, что на такое писать. Не знала, как реагировать. Светке не стала об этом рассказывать- ни о моей фотографии, отправленной Демиду, ни о нашей последующей переписке. Она бы точно посмеялась надо мной и моей реакцией...

Демид больше не писал. С того времени прошли две недели- а от него тишина... Началась учеба. Сознательно ушла в нее с головой, погружаясь в новые предметы и подстраиваясь под новое расписание. Но беспокойство о том, что как-то все

неправильно у нас оборвалось, все-таки проступило наружу.

Я винила себя. Снова и снова. Сначала за то, что подда-лась нелепому порыву и отправила это дурацкое фото. По-том за то, что растерялась и не нашлась, что написать ему в ответ... Почему он пропал? Почему за две недели- ни сло-ва... А я? Сколько десятков раз я открывала нашу переписку, чтобы настроичить хотя бы односложное «привет», но сто-ило подушечкам пальцев коснуться клавиатуры, внутри все вставало дыбом, как мокрое белье на морозе.

«Все-таки я некрасивая и нет во мне ничего, а он просто посмеялся надо мной...»-думала я снова и снова, всматри-ваясь в свое отражение в зеркале. В одежде, в пижаме, спу-стив пижаму до талии... Да, я впервые в жизни так внима-тельно и критично рассматривала себя, пыталась найти в се-бе женщину или ее зачатки, понять, как тому учат в мудрых женских романах, в чем мои сильные стороны, а в чем недо-статки, которые следует прятать...

Грудь обычная- не большая и не маленькая. Такая, как у большинства девушек. Ключица острая, бабушка вообще го-ворит, что я худая. Кожа бледная. Губы слишком большие и пухлые на фоне тонкого носа. Глаза- не знаю... Люди по-раз-ному реагировали на мои глаза. Они от природы были каки-ми-то странными, изменчивыми. В школе меня даже за это ведьмой дразнили, а я очень обижалась. То серо-лазурные с желтоватыми вкраплениями, то иссини-голубые с мерцани-ем, в зависимости от освещения. Дедушка восхищался мои-

ми глазами. Бабушка лишь пожимала плечами. У мамы глаза были карими. Значит, мои от отца. А она все не любила, что во мне было от отца...

—Надо тебе почаще ходить с распущенными волосами, преображаешься,— сказала мне первого сентября Светка в туалете университета в перерыве между парами, оглядывая меня критически,— еще бы мелирование сделать. Хочешь, в салон к матери запишу?

—Нет, спасибо,— поспешила отнекаться я,— не нужно никакого мелирования...

Подруга лишь хмыкнула.

—А зря... У тебя волос какой-то невзрачный. Пепельно-сероватый. Немного светлых прядей у лица тебя бы освежили...

А может она была и права. И были бы у меня эти пряди, сейчас бы я не мучилась в раздумьях и беспокойстве, а была бы уверена в своей привлекательности для Демида. Сто раз мысленно сказала себе, что несмотря на все хлопоты бабушки, не должна я его ждать, а все равно сердце каждый раз замирало, когда слышала, как во двор заезжает машина...

Мое участие в приготовлении Шарлотки ограничилось чисткой яблок. Как только я начала их резать, бабушка выпроводила меня с кухни с ворчанием, что так не режут и что я неумеха, а я была и рада, что не участвую в этом нелепом фарсе, который наверняка закончится разочарованием...

Зашла в свою комнату, взяла томик Ремарка. По вискам стучит, строки размываются... Не могу читать. Сердце не на своем месте. Отложила раздраженно. Вышла в зал к бабушке.

Задним фоном шла какая-то дурацкая юмористическая программа. Дед никогда не смотрел телевизор, но он был включен почти постоянно.

Снова посмотрела на торжественно-нелепый стол – и в глазах зашипало от обиды. К горлу от нервного напряжения подступила тошнота. А может это приторный запах выпечки так на меня подействовал...

–Зачем ты это всё ей разрешаешь, деда?– спросила его в сердцах,– это ведь глупо! И даже как-то унижительно!

Дед отложил, наконец, газету, посмотрел на меня удивленно.

–Ты о чем, внуча?

Развела руками растерянно.

–Как о чем? Она такой пир горой для чего решила закатить?! Это же для Демида? Не много ли чести? Мы знаем друг друга без году неделя!

Говорю это- а у самой щеки горят. Стыдно в этот момент перед дедом как-то стало. Особенно когда увидела его реакцию на мои слова...

Он засмеялся и совсем отложил газету.

–Аврора, забавная ты, конечно у нас... Совсем наивная девочка еще...-усмехнулся по-доброму,– Демида твоего, ко-

нечно, мы тоже ждем и с радостью за стол посадим, но радушный прием у нас сегодня не только для него. На «Резвом» новый капитан, Роман Туманов. Он сын моего хорошего товарища и сослуживца. Я случайно о нем узнал от твоего Демида, когда он к нам в гости заходил. Удивился, потому что не был в курсе, что Роман перевелся на Балтику, я же теперь не активно слежу за кадровым составом. Просил Демида передать ему, что очень жду в гости по возвращении. А позавчера отец Демида в Бурсе ко мне подошел и сказал, что «Резвый» должен вернуться к сегодняшнему вечеру. Ссылался на то, что Деמיד ему говорил, что я интересовался о Романе. Ну, я, конечно, их всех и пригласил к нам, иначе некрасиво бы вышло. Там был явный намек. Так что сегодня у нас будет не только твой Деמיד, но и его отец, и Роман... Для тебя Роман Алексеевич, конечно. Он серьезный парень- тридцать три года, а уже капитан второго ранга. Далеко парень пойдет...

Последние слова деда я даже не слышала, потому что словно бы горела изнутри- от стыда, досады, непонимания... И почему никто за весь день мне об этом не удосужился сказать, словно я маленькая? И почему я вообще узнаю о таком тогда, когда...

Да вообще, почему я вечно витаю где-то в облаках вместо того, чтобы думать логически? Ведь бабушка ясно дала понять, чтобы я вытащила все тарелки из буфета... А это ведь явно не на одного гостя...

В коридоре раздался короткий звонок в дверь.

Дед посмотрел на наручные часы, отфиксировав, что уже начало седьмого.

—А, ну, должно быть, и гости уже пожаловали. Все по правилам- шесть-ноль пять. По-джентельменски... Что ж, пошли встречать, Аврорушка...

Глава 9

Вот теперь я точно осознаю смысл выражения «не знаешь, куда себя деть». Не знала я... Ни куда деть глаза, приклеившиеся к белой фарфоровой супнице напротив, ни руки свои бетонные, сжимающие приборы с такой силой, что ими совершенно невозможно было орудовать. Да и зачем? Мне в рот сейчас точно ни кусочка не ползет. Такое волнение внутри клокочет, что, казалось, все слышат мое сердцебиение.

Трое зашли в нашу, до этого казавшуюся мне маленькой, квартирку, и словно бы места не осталось. Вмиг все стало на их фоне таким маленьким, игрушечным... Словно бы вот-вот, и они проломают потолок... Высокие, статные, мужественные. Демид и Роман Алексеевич, его начальник, были в форме- на этот раз не в белой парадной, в какой Демид приходил на день ВМФ, а в черной, но, казалось, еще более подчеркивающей их важность и солидность. Отец Демиды- Геннадий Викторович Пономарев, был в штатском, но очень элегантный- серые строгие брюки, темно-синий пуловер сверху рубашки. Теперь я понимаю, на кого так сильно похож Демид- те же улыбающиеся глаза с озорным блеском, стать, молодость, вопреки почтенному возрасту- они с дедом были чуть ли не погодки. Оказывается, Демид- их младший сын, поздний ребенок. Старше есть дочь, которой давно

за сорок и живет она в Санкт-Петербурге.

Это всё я узнала, сидя за столом. Если мне раньше казалось, что я молчаливая, то после сегодняшнего вечера я поняла, что всю жизнь была настоящей болтушкой... Потому что сейчас язык точно словно бы пророс к небу.

Мужчины поднимали уже третий тост. Со мной тоже с улыбкой чекались- и я протягивала дрожащей рукой хрустальный стакан с водой.

—Аврора,— какое красивое имя,— сказал Геннадий Викторович. Подняла на него глаза из вежливости с легкой улыбкой, преодолевая себя. Словно бы Демид смотрит- взгляд улыбающийся, даже потешающийся, изучающий.

Чуть из рук не выронила бокал. Потому что в этот момент пересеклась со вторым смотрящим на меня взглядом- того самого, Романа, вернее, Романа Алексеевича. Туманов его фамилия? Вот уж правда, говорящая... Как увидела в первый раз его глаза, аж голова закружилась. Знаете, там какая-то дымка, пелена холодно-голубая. Такая, как в завораживающих фильмах, когда оцепенение нападает, когда кажется, что мир замер. Волевой подбородок, слегка нахмуренные брови, поджатые губы... Сама бы в жизни с таким за один стол не села- потому что испугалась бы. Да, этот Туманов пугал... Слишком строгий, слишком серьезный, слишком пронизательный что ли- эти его глаза-туманы, словно просачиваются через тебя, сканируют. И даже если не смотришь, чувствуешь этот взгляд. Вот и сейчас я его интуитив-

но почувствовала. Поэтому сама того не понимая, и посмотрела на него в ответ, как это обычно бывает.

Ни одной мускулы не дернулось на его лице, ни одной эмоции не проступило. Он так же спокойно перевел взгляд на свою тарелку, словно бы я тоже была неодушевленным предметом, явно дав понять, что проявил интерес только потому, что обо мне речь зашла, а если бы сейчас говорили о стуле или табуретке, то точно бы так же и на них посмотрел.

А я совершенно опять себя не понимала. И почему в этот момент я об этом думала. Почему вообще мне это было важно.

Под столом что-то коснулось моей руки, я дернулась и поняла, что это пальцы Демида. Нас, конечно же, совершенно случайно посадили вместе. Щеки вмиг ошпарило- от стыда, что кто-то мог увидеть. Чуть заметно отстранилась, поменяв положение тела и кашлянув. Как же сейчас хотелось сорваться с места и убежать отсюда.

–На втором курсе внука учится, Ефим Петрович?– не унимался отец Демида, продолжая в открытую изучать меня своим насмешливым взглядом,– взрослая уже совсем, невеста.

Я хотела упасть под стол сейчас. Рассыпаться в пыль, раствориться в воздухе, смешаться с сапрофитами в ковре. Но мне приходилось сидеть и слушать все это...

Зато дед был непроницаем. Какой же он все-таки был у нас. Держался как. Правильно, неспешно. Без спеси, но с та-

ким достоинством. Поэтому его так любили и уважали ученики. И никогда не забывали про него... Всегда-всегда навещали, даже спустя много-много лет выпуска.

—В моих глазах какой была она малышкой в коляске, такой и осталась. Так что могу только на слово тебе поверить, Викторovich. Роман,— обратился дед к нашему молчаливому, мрачному и холодному гостю,— ты лучше расскажи, как забрел к нам, в наши края... Отец ушел, говоришь... Не знал... Жаль. Хороший был человек— Алексей Петрович. Настоящий моряк северных вод, душой и призванием...

Бабушка в этот момент как-то нелепо засуетилась, зачем-то поспешив поменять тарелки гостям. Получилось громко, неуклюже...

— Годы никого не щадят,— философски вставил отец Демида, поднимая рюмку,— за тех, кто с нами— был, есть и будет! На земле и на небесах! Помянем!

Пили, не чекаясь. Стоя. Стало грустно. Сразу про папу своего подумала. Он ведь мог вот так же с нами здесь сидеть...

—Так почему Балтика, Роман Алексеевич?— продолжал дед свой расспрос. Говорил с начальником Демида он очень почитительно, но все-равно, отеческая забота чувствовалась.

Тот пожал плечами.

—Приказ есть приказ,— лаконичный ответ. Голос у него был жесткий, но не грубый. —Сказали, что Балтика. Значит, Балтика...

–Всё тот же Север, благо, что не Черноморский флот, на Юге... Роман Алексеевич у нас не любит жару...– хмыкнул Демид.

Он относился к Роману с почтением, но было видно- отношения у них теплые, дружеские.

Бабушка снова засуетилась, на этот раз наяривая оливье так, что вилка все время стучалась о фарфор тарелки.

– А мир-то как тесен, Петрович! Ты вот отца Романа знал. А мой Демид с Романом тоже раньше пересекались, представляешь? Дёма учился в академии в Санкт-Петербурге, а Роман приехал на повышение квалификации. Рядом в общезитии жили. Лет пять назад это было, да?

–Да, нам тогда Романа Алексеевича в пример ставили как образцового выпускника- говорили, и в военно-морском деле он первым был, и языки иностранные лучше нас знал...- добавил Демид, с восторгом смотря на старшего товарища.

–А наша Аврора как раз иностранные языки учит,– зачем-то вмешалась бабушка. Кстати, друзья, чай, кофе? У нас изумительная Шарлотка на десерт. Аврора, кстати, готовила.

Я снова захотела стать пылью от этой плохо продуманной, несуразной рекламной кампании меня, которой сейчас занималась бабушка. Мне кажется, я даже поперхнулась. Или мне только показалось. Правда, когда подняла глаза, снова увидела на себе взгляд Романа... Алексеевича. И мне даже померещилось, что он какой-то сочувственный...

–Аврор, ты мне как раз обещала свою библиотеку на ан-

глийском языке показать, -деловито обратился ко мне Демид с непроницаемым выражением лица,— может сейчас покажешь? А то потом забудем...

—Э-э-э...-растерялась я, зачем-то опять посмотрев на Романа.

Послышался знающий смех отца Демида.

—Идите, детки. Покажи ему свои книжки, Аврора. Дело молодое...

Я замерла, боясь даже посмотреть на деда. Стыдно было через край. Буквально захлебывалась в этом стыду. Ужасно...

Демид встал первым, протягивая мне руку. Я машинально ее взяла. Удалились мы из гостиной все так же за руку.

Не помню, как на ватных шагах преодолели эти крошечные метров пять-шесть коридора до моей двери.

Когда за нами захлопнулась дверь, вернее, Демид ее захлопнул, почувствовала, как он резко прижал меня к стене, заключая в крепкие объятия.

В висок ударило горячее дыхание, хмельной запах которого я не могла не уловить. От тела мужчины исходил жар, а в живот мне упиралось что-то твердое. Я догадывалась, что это, но почему-то уверяла себя, что скорее всего, это кортик или бляшка ремня на форме...

—Аврора,— его шепот обжег мой лоб, щеки, а потом и губы цепочкой пылающих на коже поцелуев,— знаешь, как я скучал по тебе? Думал...

–Демид...– пропищала я, делая нелепую и бесполезную попытку отстраниться.

–Даа...-снова горячий шепот, который теперь спускается его влажно-горячими губами по моей шее,– скажи еще раз так же... Демид...

Я пискнула, сильно закусив губы. Сердце клокотало в горле. Я была не готова к этому напору. Снова стало страшно...

– Отец о нас знает... Захотел прийти- на тебя посмотреть. Снова внутри все заклокотало. Что это означало? Зачем он это говорит?

–Обними меня, а?-прижимает к себе еще сильнее, до боли в ребрах.

Наши губы встречаются. Я пытаюсь быть взрослой. Отвечаю на его поцелуй. Как могу. Стесняюсь, но преодолеваю себя.

Его руки опять на моем теле. Он подхватывает меня под бедра и заставляет обвить его ногами. Снова вжимается в меня. Внутри все замирает и скручивается в жгут.

Его вторая рука протискивается через ткань сарафана и поднимается к груди, сминая его к талии.

Я замираю, когда его пальцы касаются чашки лифчика, поддевая ее и царапая от нетерпения сосок.

–Можно посмотреть?-слышу его хриплый голос.

Жмурюсь и отчаянно кручу головой. Нет, я не готова. Не здесь. Не когда в соседней комнате бабушка с дедушкой. И Роман... Алексеевич...

Усмехается возбужденно, но не напирает.

– Недотрога моя, – чувствую, как его нос трется о мою щеку.

Сглатываю ком в горле.

– Завтра гулять пойдем. У меня семь дней на суше. Зайду за тобой вечером.

Отпускает, бережно ставя на пол. Как дорогую ношу.

Разворачивается к двери.

– А как же библиотека? – спрашиваю нерешительно.

Поворот головы через плечо. Идеальная белоснежная улыбка. И такая же – глазами.

– Надо нам с тобой попрактиковаться, Аврора. Ты меня английскому учить будешь. А я тебя – целоваться...

К щекам теперь не краска прилила, нет. Они словно ошпарены были кипятком.

– Я ужасно целуюсь, да? – голос дрогнул. Какой позор... Больше всего боялась, что он будет смеяться над тем, какая я неумеха.

Он делает шаг ко мне. Быстро притягивает к себе. Целует в губы.

– Ты так целуешься, как должна целоваться «та самая», Русалка...

Эти его слова я пойму много позже. Как и многое в наших отношениях. Как и многое в тот судьбоносный год моей жизни...

Глава 10

Осенняя Балтика жемчужная... Жемчужное небо с серо-перламутровыми переливами, иногда уходящими в асфальтовый темный, когда погода совсем хмурится. Вторящее ему море- вечно буйное, клокочущее грозными порывами, кидающее на берег холодные пенистые брызги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.